

Федор Николаи

«Будущее — чужая страна»

СТРАХИ И НАДЕЖДЫ НА БУДУЩЕЕ
В ЭПОХУ АНТРОПОЦЕНА¹

DOI: 10.53953/08696365_2026_200_4_739

Potts J. Future Fear: Fear of the Future from Prehistory to Climate Change.

Cham: Palgrave Macmillan, 2024. — XII, 229 p.

Dystopian Emotions: Emotional Landscapes and Dark Futures /

Ed. by J. McKenzie, R. Patulny.

Bristol: Bristol University Press, 2022. — X, 188 p.

Культурная история страха активно обсуждается в гуманитарных исследованиях с начала 2000-х гг.² Один из крупнейших специалистов в области истории эмоций, Ян Плампер, много лет работал над книгой «Страх: солдаты и эмоции в России во время Первой мировой войны», но так и не успел ее завершить³. В 2019 г. журнал «Новое литературное обозрение» и Европейский университет провели конференцию «Антропология страха», по итогам которой был опубликован целый ряд исследований историко-антропологического характера, посвященных анализу фобий, опасений и рисков эпохи модерна⁴. Однако страхи и опасения, связанные с будущим, до сих пор крайне редко становились объектом самостоятельного анализа. Многочисленные исследования антиутопий делают акцент на специфике этого жанра и его структурных особенностях, оставляя без внимания широкую палитру коллективных эмоций разной интенсивности и весьма гетерогенные культурные

- 1 Публикация подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.
- 2 См.: *Bauman Z. Liquid Fear. Cambridge: Polity Press, 2006; Bourke J. Fear — A Cultural History. Emeryville: Shoemaker & Hoard, 2006; Crisis and the Culture of Fear and Anxiety in Contemporary Europe / Ed. by C.Z. Llena, J. Stier, B. Gray. London; New York: Routledge, 2023; Cultures of Fear: A Critical Reader / Ed. by U. Linke, D.T. Smith. New York: Pluto Press, 2009; Nussbaum M. Monarchy of Fear. Oxford: Oxford University Press, 2018; Times of Security: Ethnographies of Fear, Protest and the Future / Ed. by M. Holbraad, M.A. Pedersen. New York: Routledge, 2013; Робин К. Страх: история политической идеи / Пер. с англ. А. Георгиева, М. Рудакова. М.: Прогресс-традиция; Территория будущего, 2007 и др.*
- 3 См.: *Плампер Я. Страх: солдаты и эмоции в истории военной психологии начала XX в. / Пер. с англ. И. Кременецкой, М. Маяцкого и автора // Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций / Под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат и М. Эли. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 401–430; Fear: Across the Disciplines / Ed. by J. Plamper, B. Lazier. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2012. См. также: Нарский И.В. Путь Яна Плампера к сенсорной истории // Вестник Пермского университета. История. 2025. № 3 (70). С. 15–25.*
- 4 См.: *Подорога В. Великий страх: Кант читает Берка (к деконструкции возвышенного) // Новое литературное обозрение. 2020. № 2. С. 11–28; Граматчикова Н. Как выглядит страх: динамика советских и постсоветских нарративов первостроителей Уралмаша и их детей // Новое литературное обозрение. 2020. № 2. С. 117–139 и др.*

практики формирования пессимистических ожиданий будущего. «Большинство современных исследований дистопических, апокалиптических или утопических представлений о будущем упускают их эмоциональное измерение. <...> Очевидно, что мышление, коммуникация и действия, ориентированные на будущее, опираются на эмоциональный опыт, укорененный в настоящем. Этот опыт включает в себя тревогу по поводу изменения климата, восторг от новых технологий или опасения по поводу трансформации структуры занятости. И очевидно, что представители социальных и гуманитарных наук могут и должны исследовать те формы эмоционального опыта, которые станут более или менее распространенными в этом будущем», — пишут Д. Маккензи и Р. Пэтални во введении к книге «Чувство дистопии: эмоциональные ландшафты темного будущего» (с. 7).

В этом контексте упомянутая и еще одна рецензируемая здесь книги представляют несомненный интерес, поскольку их авторы поднимают вопрос о принципиальном отличии страхов первой четверти XXI в. от моральных паник, фобий и опасений эпохи модерна. Их объединяют три важных тезиса. Во-первых, это взаимосвязь современного роста страха будущего и разочарования в оптимистической устремленности в будущее эпохи модерна. Еще раз подчеркнем: речь идет не просто о рациональных представлениях и прогнозах экспертов, но о весьма широком спектре эмоций недовольства, разочарования и даже негодования, характерном для современной популярной культуры. Во-вторых, это разочарование обусловлено целым комплексом социально-культурных факторов: «правым поворотом», ростом поколенческих различий, сокращением социальной мобильности и неотрефлексированным наследием холодной войны, которая сегодня парадоксальным образом все чаще вызывает ностальгию в самых разных странах⁵, включая Россию. В-третьих, эти опасения не уничтожают надежду, которая оказывается неразрывно связана с памятью о прошлом и об усилиях самых разных эмансипаторных движений XX в. — от антиядерного до экологического.

Правнуки Герберта Уэлса: Грета Тунберг, Cli-Fi и апокалиптическое воображение эпохи антропоцена

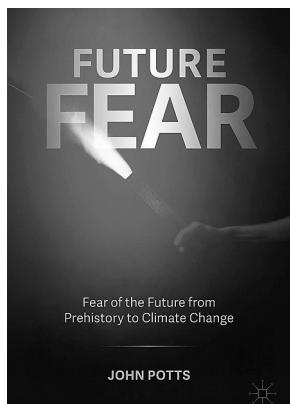
Профессор австралийского Университета Маккуори, специалист по теории медиа Джон Поттс в книге «Страх будущего: с доисторических времен до глобального потепления» задается вопросом: почему еще недавно в самых разных странах будущее ассоциировалось с освоением космоса и технооптимизмом, а антиутопии в духе «1984» Дж. Оруэлла внушали серьезные опасения, тогда как сегодня и космос, и антиутопии мало кого интересуют, а вместо этого активно обсуждаются страхи, связанные с искусственным интеллектом (ИИ), и перспективы климатического апокалипсиса?

Критическая теория, столь влиятельная в современных исследованиях культуры, пытается объяснить страх ИИ происками неолиберализма⁶. С этой точки зрения преобладающий сегодня в медиа неолиберальный дискурс наделяет искусственный интеллект гипертрофированной ролью, нивелируя агентность его создателей, пользователей и общества в целом, от которых как бы ничего не зависит.

5 См.: *Eschen P.M. Von. Paradoxes of Nostalgia: Cold War Triumphalism and Global Disorder since 1989.* Durham: Duke University Press, 2022.

6 См.: *Handbook of Critical Studies of Artificial Intelligence / Ed. by S. Lindgren.* Northampton: Edward Elgar Publishing, 2023; *Lindgren S. Critical Theory of AI.* Cambridge: Polity Press, 2024.

Подобное отчуждение человека от технологий служит определенным идеологическим целям — снимает вопрос о контроле общества над разработкой ИИ, который превращается в собственность крупных технологических корпораций. Однако критическая теория тоже нивелирует агентность людей и сообществ — затушевывает существенные различия между практиками взаимодействия представителей разных культур с ИИ. Ей явно не хватает антропологической корректировки, то есть полевых исследований того, какое именно будущее представляют себе разные «племена» разработчиков ИИ и его пользователей. Кроме того, критическая теория не объясняет страха глобального потепления, ведущего к росту налогов и ограничений на крупные корпорации, эксплуатирующие источники сырья во всем мире.

Поттс пытается объяснить общие причины этих, казалось бы, столь разных страхов и опасений, используя их «насыщенное описание» и доказывая тесную взаимосвязь самых разных сюжетов — от репортажей о лесных пожарах в Австралии 2019–2020 гг. и выступлений Г. Тунберг, которые Д. Трамп назвал «слишком эмоциональными» (с. 199), до фильмов-катастроф и дистопий, действие которых происходит в мире, столкнувшемся с резким изменением климата. Вероятно, российскому читателю будет интересно узнать, что 82% американских детей 10–12 лет испытывают страх за судьбу окружающей нас природы, разделяя «апокалиптические и пессимистические настроения по поводу будущего нашей планеты» (с. 170), а в «Школьных забастовках за климат» 2019 г. приняли участие более четырех миллионов человек (с. 197).

По мнению автора книги, эти страхи получили столь широкое распространение потому, что в популярной культуре конца XX — начала XXI в. сложился легко узнаваемый нарратив, с некоторыми вариациями воспроизводимый в самых разных медиа. В 2000-е гг. в англоязычной фантастике формируется отдельный поджанр *Cli-Fi* (от англ. *climate fiction*), изображающий различные варианты будущего в мире, пострадавшем от изменения климата⁷. К нему можно отнести «Калифорнийскую трилогию» и серию романов «Столичная наука» К.С. Робинсона, романы «Ни капли воды» и «В пригоршне пыли» М. Макгиннис или, скажем, «Трилогию Безумного Адамма» М. Этвуд, изображающую постапокалиптический мир, разрушенный биоинженерными и фармацевтическими экспериментами транснациональных корпораций. Истоки *Cli-Fi*, по мнению Поттса, восходят к текстам 1950–1960-х гг. — к романам Д. Балларда «Затопленный мир» (1962) и «Горящий мир» (1964), а также рассказу Д. Дюморье «Птицы» (1952), по мотивам которого А. Хичкок снял свой знаменитый фильм. Их объединяет тема мести природы человечеству за военные эксперименты и экологические разрушения. С этой точки зрения страхи эпохи холодной войны не исчезли, а привели к формированию устойчивого нарратива — «природа наносит ответный удар» (с. 129).

Со временем постапокалиптические представления о будущем Земли, разрушенной промышленными технологиями, оказываются все чаще представлены в кинематографе, например в фильмах Дж. Миллера «Безумный Макс: дорога ярости» (2015) и «Фуриоса: хроники Безумного Макса» (2024), отсылающих к его же трилогии 1979–1985 гг.; в сериале «Экстраполяции» (реж. С. Бёрнс, 2023), в основанном на одноименной видеоигре телесериале «Последние из нас» (реж. К. Мейзин,

7 См., например: *Cli-Fi: A Companion* / Ed. by A. Goodbody, A. Johns-Putra. Oxford: Peter Lang, 2019.

Н. Дракманн и др., 2023–2025), в анимационном фильме «ВАЛЛ-И» (реж. Э. Стэн-тон, 2008) и др. Важно подчеркнуть, что их сюжеты и постапокалиптическая эстетика отсылают к фильмам 1960-х гг., фиксирующим страхи холодной войны, — так же как и франшиза «Планета обезьян» отсылает к одноименному фильму Ф. Шеффнера (1968), в котором именно катастрофа ядерной войны приводит к деградации человечества. Поэтому в дискуссиях о современных романах в жанре *Cli-Fi*, о фильмах и многочисленных научно-публицистических работах на тему экзистенциальных рисков, таких как «Экзистенциальные риски: анализ сценариев вымирания человечества и связанных с ними опасностей» (2002) Н. Бострома, «Искусство и экология сегодня» (2014) Э. Брауна, «Десять технологий для спасения планеты» (2008) К. Гудолла, «Шестое вымирание: неестественная история» (2014, рус. пер. 2019) Э. Колберт, «На краю пропасти: экзистенциальный риск и будущее человечества» (2020, рус. пер. 2023) Т. Орда, «Конец времен» (2019) Б. Уолша или «Сейчас или никогда» (2008) Т. Фланнери, важно обсуждать не только их отдельные образы и идеи, но и происхождение. Другими словами, важно помнить, что холодная война имела не только непосредственные геополитические итоги, но и долгосрочные социально-психологические последствия, связанные с социальным пессимизмом и разочарованием в будущем. Эти последствия практически не обсуждаются в современной историографии и исторической теории, анализирующей причины перехода к презентистскому режиму историчности и отказ от прогрессистской устремленности в будущее, характерной для эпохи модерна⁸. При этом фиксирующие «пространство опыта» и «горизонт ожидания» темпоральные установки воплощены не столько в теоретических трудах Р. Козеллека или Х. Уайта, сколько в образах и текстах популярной литературы. Поттс подчеркивает эмоциональную насыщенность языков популярной культуры, перформативно меняющей состояние человека и характер социальной коммуникации.

Фоном для анализа современных климатических страхов становится в книге широко распространенный технооптимизм эпохи модерна, а также беглый исторический обзор апокалиптических представлений и практик предсказания будущего в разных сообществах — от собирателей до просветителей, от китайской «Книги перемен» и римских гаруспиков до кафедр астрологии в средневековых университетах, эволюции эсхатологических представлений в христианской культуре и натурфилософии раннего Нового времени. Сразу отметим, что поверхностный характер такого обзора вызывает больше вопросов, чем дает ответов. Его функция — именно создание фона для анализа современных страхов будущего, во многом сохраняющих преемственность с опасениями и фобиями предшествующих эпох. С другой стороны, этот весьма поверхностный обзор работает на важный тезис автора о том, что будущее всегда вызывало опасения, но одновременно и порождало надежду, и современное общество не является исключением. Даже среди экологических активистов в последние годы растет критика пессимистов и неприятие постапокалиптической риторики, порождающей «паралич воли» и препятствующей социальной активности. Примерами такой критики Д. Поттс считает книги «Новая климатическая война: борьба за возвращение нашей планеты» М. Манна, «Переломное поколение» Г. Шу, «Будущее, которое мы выбираем: как

8 См.: Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности / Пер. с фр. А. Беляк // Неприкосновенный запас. 2008. № 3. С. 19–38; Лоренц К. Вне времени? Критические рассуждения о презентизме Франсуа Артога / Пер. с англ. А. Запольской // Логос. 2021. № 4. С. 31–64; Олейников А.А. Анахронизм и границы истории // Шаги/Steps. 2018. № 3–4. С. 9–25; Репина Л.П. Эффекты «непостижимого ускорения», или Феномен презентизма в истории исторического сознания // Диалог со временем. 2018. № 65. С. 48–58.

пережить климатический кризис» Т. Риветт-Карнака, «Мир в 2050 г.: как думать о будущем» Х. Макрэя и др.

Связанные с будущим страхи и надежды всегда неоднородны. Одной из причин этого, по мнению Поттса, является растущая гетерогенность культурных языков визуализации будущего и медиа (кино и видеоигр, фантастической литературы и публицистики, технических проектов и экономических прогнозов). В эпоху модерна ключевую роль играли три способа создания образов будущего: наука, научная фантастика и теория прогресса (со временем трансформировавшаяся в технологический прогресс): «Модерн сформировался на этих основаниях, каждое из которых имело свою специфическую — в основном связанную с надеждой — стратегию ориентации на будущее» (с. 63). Сегодня изменились не только преобладающие дискурсивные формы и социотехнические практики представления будущего, но и структура социального воображения. И. Калинин, Г. Орлова и Н. Никифорова показали, насколько сильно в СССР представления о коммунистическом будущем зависели от атомных технологий, электрификации и нефтедобычи, формирующих конкурирующие формы социотехнического воображения⁹. В связи с разочарованием в идеях технического прогресса в 2000-е гг. прежняя сборка трех обозначенных Поттсом стратегий репрезентации будущего оказалась частью гораздо более сложных и противоречивых структур воображения, в которых все большую роль играют сериалы, соцсети, видеоигры, а также чат-боты, использующие ИИ.

В результате происходит переосмысление и фантастической литературы эпохи модерна, в которой всегда существовали конкурирующие тренды репрезентации будущего. Поттс указывает на растущую востребованность «возвысившей воображение и эмоции» (с. 71) романтической традиции, восходящей к роману М. Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» (1818). Показательно, что уже вскоре после его публикации появилось как минимум пять различных адаптаций этого сюжета для театральной сцены. Сегодня это наверняка назвали бы формированием «вселенной Франкенштейна» — относительно устойчивого комплекса воображаемых отсылок и образов, со временем повлиявших в той или иной форме на творчество таких писателей, как Г. Уэллс и А. Азимов, и на огромное количество фильмов — от классического хоррора Дж. Уэйла (1931) до «Франкенштейна» (2025) Г. дель Торо, а также «Бегущего по лезвию» (1982) Р. Скотта и сиквела Д. Вильнёва (2017). Важно подчеркнуть не просто общую для этой «вселенной» сюжетную линию — восстание механически созданного нечеловека против своего творца, — но и то, что уже в XIX в. возникли система устойчивых интертекстуальных отсылок и опирающаяся на нее культура пастиша эпохи модерна¹⁰. Как ностальгию, по мнению Т. Беккера, легко эксплуатировать именно путем сочетания узнаваемых образов и деталей¹¹, так и образы дистопического будущего легко воспроиз-

9 Калинин И.А., Никифорова Н.В., Орлова Г.А. Советское энергетическое воображение: электричество, атом, нефть. СПб.: Астерион, 2022.

10 Подробнее о дискуссиях вокруг понятия пастиша и его роли в культуре модерна см.: Дайер Р. Пастиш / Пер. с англ. Е. Бондал. М.: ИД ВШЭ, 2021. Сложные отношения культуры пастиша в его понимании Р. Дайером и активно осуждаемого сегодня понятия «культурный ресайклинг» требуют отдельного важного разговора. О понятии ресайклинга см.: Вьюгин В. «Культурный ресайклинг»: к истории понятия (1960–1990-е гг.) // Новое литературное обозрение. 2021. № 3. С. 13–32.

11 Becker T. Yesterday: A New History of Nostalgia. Cambridge; London: Harvard University Press, 2023. См. также: Николаи Ф. Исследования ностальгии: политика памяти, история эмоций и дискуссии о темпоральности (Рец. на кн.: Becker T. Yesterday: A New History of Nostalgia. Cambridge; London, 2023; The Routledge Handbook of Nostalgia. Abingdon; New York, 2025) // Новое литературное обозрение. 2025. № 194. С. 347–357.

водить и корректировать, учитывая специфику новых медиа и цифровых техник репрезентации.

Еще одна важная причина структурной трансформации связанных с будущим страхов и надежд в современной культуре — растущие поколенческие различия. Каждое следующее поколение авторов дистопий, режиссеров фильмов-катастроф и футурологов ищет новые эстетические приемы актуализации широко известных сюжетов и реагирует на изменения социального контекста, беспокоящего их читателей или зрителей, — пандемию, новые войны и экологические проблемы. В начале XX в. Уэллс предсказал появление танков, атомной бомбы, Лиги Наций и многие тренды социально-технического развития, на которые он смотрел с оптимизмом. Он радовался применению танков во время Первой мировой, называя их в книге «Война и будущее» (1917) своими «внуками» (с. 109). Но была у этого технотопизма и обратная сторона: именно во время Первой мировой войны стала очевидной опасность использования промышленных технологий для уничтожения людей. Эта опасность и связанные с ней расистские клише и предубеждения, вера в силу государственной власти и перспектива установления мирового государства вызвали «бунт против утопии Уэллса» (с. 109) со стороны О. Хаксли, чей антиутопический роман «О дивный новый мир» (1932) стал популярным именно у «потерянного поколения» участников Первой мировой войны.

Другим ярким примером поколенческого дистанцирования Поттс считает представленную на Венецианской биеннале 2007 г. видеоинсталляцию ирландского художника Д. Бирна «1984 и далее». Название этого проекта отсылает к одноименной статье, опубликованной в 1963 г. в журнале «Плейбой». Редакция предложила предсказавшему появление спутников связи в 1945 г. А. Кларку, придумавшему в 1940-е гг. слово «робот» А. Азимову и еще десяти известным писателям-фантастам озвучить свои прогнозы на будущее, то есть на жизнь после 1984 г. Все эти авторы, включая Р. Брэдли, уверенно утверждали, что космические путешествия станут привычным делом, уровень благополучия резко вырастет, а социальная и сексуальная свобода станет нормой. Видеоинсталляция Бирна представляет собой серию черно-белых фотографий и видеореконструкцию этой встречи. «Мы с удовольствием и, возможно, с удивлением оглядываемся на это предсказание будущего 1963 г. <...> Напыщенные заявления этих авторов о космических путешествиях и будущем досуга выглядят сегодня смешными из-за того, что они не воплотились в реальность» (с. 167–168).

Видеоинсталляция во многом рассчитана на миллениалов и молодежь 2000-х гг., выстраивающую дистанцию по отношению к прошлому и разочаровавшуюся в характерной для эпохи модерна устремленности в будущее. В последние годы подобные поколенческие различия растут, поскольку затрагивают и разные медиа: молодежь моделирует свое будущее, ориентируясь на образы из соцсетей, дискуссии об ИИ и универсальные стандарты культуры потребления, тогда как старшие поколения чаще доверяют прогнозам экономических экспертов и телевизионным аналитикам, использующим старые формы социотехнического воображения, в том числе связанные с нефтью, о которой так ярко пишут Калинин, Орлова и Никифорова в упомянутой книге. При этом важно подчеркнуть повышенную эмоциональность восприятия экологических проблем молодежью, за которой скрывается полуотрафлексированное социальное недовольство: «бумеры» застали общество благосостояния 1960–1970-х гг. и смогли воспользоваться его достижениями, но что они оставляют в наследство внукам и правнукам? Рецепты выживания в рамках «сообществ своих», о которых писал А. Юрчак в книге «Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение» (2005, рус. пер. 2014), не очень работают в глобальную эпоху.

Такую позицию можно критиковать за пассивность, то есть за отказ активно сопротивляться «правому повороту», бороться за сохранение свободы и социальной мобильности. Однако Поттсу кажется более важным проанализировать историко-культурные причины, объясняющие трансформацию коллективных эмоций в начале XXI в. Он подчеркивает их структурную трансформацию — не просто рост интенсивности эмоций, но и изменение взаимосвязей внутри «структуры чувств» новых поколений. В 1960-е гг. страхи холодной войны уравнивались и компенсировались либеральным нарративом счастья, устремленным в будущее. Известный историк эмоций Т. Диксон считает центральной осью эмоционального режима эпохи модерна именно оппозицию страха и счастья (родители желают счастья своим детям и одновременно опасаются за их безопасность)¹². Подтверждением надежды на будущее счастье и рост благополучия выступал технический прогресс, который поддерживал рост западной культуры на протяжении всего XX в. Снижение темпов социально-экономического развития в западных странах и разочарование в нарративе «погони за счастьем», о котором ярко пишут Е. Иллуз и Э. Кабанас¹³, автоматически привели к росту страхов и опасений по поводу будущего. Сегодня место модернистских представлений о счастье, устремленных в будущее, заняла идеализация прошлого, которую З. Бауман называет «ретротопией»¹⁴. Последняя все чаще делает ставку на аффективную идеализацию деталей и метонимическую привязку к вещам¹⁵, снижающую рефлексивность ее аудитории. Подобно тому как в российских сериалах 2010-х гг. ностальгия выражалась через идеализацию предметов советского быта, женских платьев 1960-х гг., автоматов с газировкой и автомобилей «Волга», страхи будущего в современной популярной культуре выражаются через детали, оказываются геймифицированы и эстетизированы, как в сериале «Фоллаут», отсылающем к одноименной видеоигре¹⁶. И эта метонимическая модель исторического воображения работает, стирая рефлексию о более глубоких причинах появления этих образов, таких как широко распространенный в 1950–1960-е гг. страх ядерной войны, — в то время как в оторефлексированной форме этот страх подталкивал людей к протестам, к участию (вслед за А. Тойнби, Б. Расселом и многими интеллектуалами 1960-х) в движении за ядерное разоружение или в экологическом движении, добившемся принятия ряда законов и учреждения в 1970 г. Агентства по охране окружающей среды США, в 1971 г. — создания организации «Гринпис», а в 1972 г. — принятия программы ООН по охране окружающей среды. В 1970-е гг. в Тасмании, Швейцарии и Великобритании, а затем и в ФРГ создаются партии «зеленых», выступающих за ядерное разоружение, контроль за выбросом экологически опасных промышленных отходов и предотвращение глобального потепления. В их деятельности память о холодной войне и порожденных ею страхах и опасениях оказывается оторефлексирована и становится стимулом для социальных преобразований, тогда как использование метонимического тропа ретроtopии или, в терминологии С. Бойм, реставрирую-

12 См.: Dixon T. The History of Emotions: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2023. P. 63–64.

13 Иллуз Е., Кабанас Э. Фабрика счастливых граждан: как индустрия счастья контролирует нашу жизнь / Пер. с англ. А. Рахманько. М.: АСТ, 2023. См. об этой кн. в: Николаси Ф. Культурная история и социальные исследования счастья (обзор) // Новое литературное обозрение. 2024. № 189. С. 293–296.

14 Бауман З. Ретроtopия / Пер. с англ. В.Л. Силаевой. М.: ВЦИОМ, 2019.

15 Липовецкий М., Михайлова Т. Больше, чем ностальгия (поздний социализм в телесериалах 2010-х гг.) // Новое литературное обозрение. 2021. № 3. С. 127–147.

16 McClancy K. The Wasteland of the Real: Nostalgia and Simulacra in Fallout // Game Studies. 2018. Vol. 18. № 2 (URL: <https://gamestudies.org/1802/articles/mcclancy>).

щей ностальгии ведет к пассивности — к отказу от преобразования социальной реальности и к снижению рефлексивности.

Таким образом, Поттс считает наследие холодной войны, пролиферацию медиа, рост поколенческих различий и связанную с ним трансформацию «структуры чувств» ключевыми причинами разочарования в утопиях 1960-х гг., отказа от прежнего оптимизма по отношению к будущему и переосмысления культурного наследия эпохи модерна в целом. Этот вектор анализа весьма перспективен не только в контексте набирающих силу дискуссий о «трудном» наследии (также имеющем эмоциональное измерение)¹⁷, но и применительно к структурной трансформации утопий как стратегии социального проектирования будущего. Политические мыслители и социальные теоретики традиционно рассматривали утопию как «готовый план действий»¹⁸, а теоретики культуры — как набор полуотрефлексированных проекций и культурных форм¹⁹. За рамками всех этих концепций оказывается эмоциональный компонент, который возрастает в современном обществе (особенно в мировосприятии молодежи) и который, вслед за Поттсом и влиятельной интеллектуальной традицией от Э. Блоха и В. Беньямина до Т. Иглтона и Д. Харви²⁰, можно назвать *надеждой*. В рамках сложного ассамбляжа ощущений, аффектов, эмоций, ценностей и представлений, который представляет собой такая надежда как форма проектирования будущего, прежние телеологические коннотации вряд ли будут востребованы. А вот поколенческие различия, скорее всего, будут расти. В этом смысле справедливы слова Поттса: «Будущее — чужая страна» (с. 1), — оно столь же гетерогенно и контингентно, как и прошлое²¹. И межпоколенческий диалог с представителями «племен», которые лишь начинают его осваивать, требует терпения и коммуникативных усилий, направленных на то, чтобы сделать более явными общие этические и социальные интересы разных на первый взгляд идей и представлений, например касающихся Холокоста. Поттс пишет о том, насколько трагически воспринимались пожары в Австралии 2019–2020 гг. молодыми людьми, увлеченными экологической проблематикой. Тогда в огне погибли или серьезно пострадали 143 миллиона млекопитающих, 180 миллионов птиц и 2,46 миллиарда рептилий (с. 197). Возможно, значительной части поколения детей Второй мировой войны сравнение этой трагедии с Холокостом покажется сомнительным, однако общим мотивом этих столь разных векторов памяти выступает лозунг: «Никогда снова», опирающийся на этический императив: «Что я должен делать в будущем, чтобы подобная трагедия не повторилась?» Такой им-

17 См. об этом: Гринько И.А., Серикова А.Ю., Мочалова М.А., Хлевнюк Д.О., Мельникова Е.А. Трудное наследие: терминология, интерпретации, рассуждения // Этнографическое обозрение. 2025. № 6. С. 97–118.

18 См.: Jameson F. *Archaeologies of the Future: The Desire Called Utopia and other Science Fictions*. London: Verso, 2005; Павлов А.В. Утопия в новейшем западном марксизме: аномалия, надежда, наука // Вопросы философии. 2021. № 9. С. 25–36.

19 См.: Каспэ И.М. В союзе с утопией: смысловые рубежи позднесоветской культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2018; Острова утопии: педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е) / Под ред. И. Кукулина, М. Майофис, П. Сафронова. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

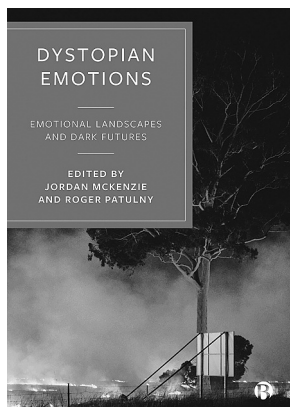
20 См.: Harvey D. *Spaces of Hope*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2000; Eagleton T. *Hope Without Optimism*. New Haven; London: Yale University Press, 2015; Ромашко С. Раздуть в прошлом искру надежды...: Вальтер Беньямин и преодоление времени // Новое литературное обозрение. 2000. № 6. С. 71–80.

21 О понятии контингентности см.: Корчинский А.В. Воображая историю: вместо введения // Новое литературное обозрение. 2024. № 2. С. 37–48; Олейников А.А. Время истории // Логос. 2001. № 4. С. 5–30.

ператив предполагает и рефлексию, и активные действия, без которых надежда на будущее невозможна.

Эмоциональные ландшафты разочарования в будущем

Коллективные монографии часто критикуются за отсутствие в них оригинальной теоретической рамки, а также за стремление состыковать друг с другом ряд клише и воспроизвести их при анализе нескольких минимально связанных между собой кейсов. Книга «Чувство дистопии: эмоциональные ландшафты темного будущего» под редакцией Джордана Маккензи и Роджера Пэтални, напротив, содержит в себе оригинальную концепцию (сформулированную не менее четко, чем в монографии Поттса) и охватывает широкий спектр сюжетов для ее разработки. Авторы отстаивают три взаимосвязанных тезиса. Во-первых, они вводят понятие «эмоциональный ландшафт» (по аналогии с «меморативными ландшафтами», или ландшафтами памяти²²), призванное зафиксировать различие восприятия аудиторией стремительно меняющейся культурной географии воображаемых и сенсорно-ощуаемых, виртуальных и офлайн-пространств. Маккензи и его коллеги подчеркивают, что места национальных побед или поражений XIX в., городские пространства и мемориалы могут по-разному ощущаться представителями разных поколений. При этом интенсивность скорби или гордости, негодования или чувства сопричастности зависит не столько от субъективных причин, сколько от социальной инфраструктуры, политического контекста, культурных практик и языков артикуляции эмоций и ощущений.

Во-вторых, как и Поттс, авторы «Чувства дистопии» размышляют о причинах роста пессимизма, страха и разочарования в восприятии эмоциональных ландшафтов. Прежде всего речь идет о молодежи, чей пессимизм вызван сбоями в работе социальных лифтов, фиксируемыми в исследованиях юношества (*youth studies*) еще с 1980-х гг. (с. 5). Так, отмечается снижение эффективности социальных институтов при неоконсерваторах (от Р. Рейгана до Д. Трампа в США и в периоды правления их единомышленников в других странах) с их ретротопической политикой памяти, которой посвящена глава М. Якобсена. Социально-психологические последствия роста «надзорного капитализма»²³ анализируются в главе Д. Лаптон и К. Сау-

фертон, а долгосрочные последствия эпидемии COVID-19 — в главе Дж. Маккензи, Р. Пэтални, Р. Олсон и М. Бауэр. Однако еще больше, чем эти макросоциальные

22 См., например: Macdonald S. *Memorylands: Heritage and Identity in Europe Today*. London; New York: Routledge, 2013; Вандышев М.Н., Веселкова Н.В., Прямыкова Е.В. Меморативный ландшафт: концепция и опыт применения // Социология власти. 2022. № 1. С. 69–94; Романов П., Ярская-Смирнова Е. Ландшафты памяти: опыт прочтения фотоальбомов // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова, В. Круткина. Саратов: Научная книга, 2007. С. 146–168.

23 См.: Зубофф Ш. Надзорный капитализм или демократия? / Пер. с англ. А.А. Смирнова. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2025. О полемике вокруг концепции Зубофф см.: Павлов А.В. Критики концепции надзорного капитализма // Логос. 2025. № 4. С. 197–225.

факторы, авторов книги интересуют повседневные практики коммуникации и микрофизика социальных взаимодействий: недовольство пользователей экспериментами «Фейсбука»* по воздействию на их эмоции, сопротивление «кибердевиантности», харассменту, онлайн-домогательствам, троллингу и буллингу в социальных сетях.

В-третьих, авторы книги утверждают, что «расколдовывание» мира эпохи модерна, вслед за М. Вебером понимаемое как рост рациональности и снижение эмоционально-аффективного поведения, сменилось отказом от противопоставления этих установок и пересборкой их отношений — «эмоциональной рефлексивностью», которую «можно определить как интерсубъективную интерпретацию наших собственных чувств, эмоций других людей и того, как эти эмоции проявляются. Она выражается во взаимодействии с другими и ориентирована в будущее» (с. 54). С этой точки зрения (восходящей к «Теории чувств» А. Хеллер) эмоции интенциональны и социальны. И поскольку целый ряд макросоциальных факторов и повседневных практик, обещавших радость и счастье, все чаще приносят людям растущее разочарование, эмоциональная рефлексивность оказывается предельно востребована для выстраивания личных границ и поколенческих различий. К таким выводам приходят, в частности, В. Смит в главе «Исследуя онлайн-дистопии: эмоциональная рефлексивность и кибердевиантность» и Б. Дойл в главе о современной литературе *Cli-Fi*. И этот жанр, и коммуникация в социальных сетях представляют собой «тренажеры» для выстраивания новых эмоциональных ассамблежей, которые предполагают дистанцирование от характерных для «поколения икс» установок на жизнестойкость и стоическое ограничение эмоций, примерами которых можно считать «Безумного Макса» Дж. Миллера и «Водный мир» К. Рейнольдса. Герои этих фильмов, мужчины среднего возраста, существуют в своих постапокалиптических мирах, тщательно скрывая эмоции и подчиняя их прагматике выживания. Дискуссии же в соцсетях вокруг «выстраивания границ» предполагают признание эмоций, их проработку и прояснение в коммуникации с другими.

Эмоциональная рефлексивность позволяет преодолеть страх будущего и отказаться от ностальгической мифологизации прошлого, в котором, по мнению правых популистов, практически не было социальных проблем и конфликтов. Именно поэтому авторы переносят акцент с анализа дистопии как жанра (структура которого почти не зависит от восприятия аудитории) на рефлексии об эмоциональных ландшафтах и практиках восприятия образов популярной культуры. С этой точки зрения эмоциональная рефлексивность не столько усиливает разочарование в актуальных проблемах, сколько дает возможность выразить растущее недовольство в понятных символических формах и извлечь из него уроки на будущее.

Наибольший интерес представляет написанная Пэтални глава «Новая экономика и привилегии чувств»: к теории эмоциональной структуризации». Она посвящена дискуссиям о понятии «эмоциональный труд», предложенном А. Хокшильд еще в конце 1970-х — начале 1980-х гг. Рост экономики услуг и неустойчивая занятость ведут к дифференциации эмоционального труда и углублению классовых различий: представители среднего класса вынуждены все активнее работать не столько физически, сколько в коммуникативном плане — выстраивать отношения с клиентами, поддерживать доброжелательную атмосферу в коллективе, смягчать резкие высказывания и исправлять неудачные решения начальства, — но без су-

* Деятельность компании *Meta Platforms Inc.* по реализации продуктов — социальных сетей *Facebook* и *Instagram* — запрещена на территории Российской Федерации Тверским районным судом 22.03.2022 г. по основаниям осуществления экстремистской деятельности.

щественного роста доходов. Эмоциональная рефлексивность позволяет артикулировать недовольство этими процессами и искать перспективы сопротивления, горизонтального перемещения по эмоциональным ландшафтам и возможности иных форм социальной структуризации. С этой точки зрения неоконсерваторы (ориентированные на добычу нефти и восстановление классического производства, а не на развитие технологий и услуг) лоббируют свои интересы и стремятся повысить доходы за счет усиления социальных противоречий, демотивации среднего класса и усиления ressentiment низших слоев общества, или эмоционального прекариата. Рост эмоционального труда и растущее социальное расслоение вызывают усталость, разочарование и одиночество — вполне рефлексивное у среднего класса и молодежи, но связанное с аффективным ressentimentом у низов и старших поколений. Безусловно, этот тезис Пэтални требует социологической проверки; он, скорее, гипотетически продолжает идею Н. Элиаса о росте социального и внутреннего контроля за чувствами в эпоху модерна. Однако его трактовка эмоциональной рефлексивности, как и книга Поттса, предполагает надежду на некое альтернативное будущее. Она дает понимание причин роста современных страхов и разочарования, снижает эти опасения, не переходя к безоговорочному оптимизму, и подталкивает к поиску альтернатив текущим социально-культурным трендам.

Ни одна из рассмотренных книг, впрочем, не проясняет механизмов этой надежды. В этой связи уместно сказать несколько слов о монографии Э. Ригни «Вспоминая надежду: культурное наследие протеста», представляющей собой часть большого европейского проекта «Вспоминая активизм»²⁴. Чрезвычайно любопытно в этой книге понимание надежды как сплава «ретропроспективной» работы культурной памяти и меняющейся структуры чувств. Монография посвящена прежде всего памяти о Парижской коммуне, которая, несмотря на свое трагическое поражение, вошла в воображение современников и воспоминания потомков как событие, оптимистически предвещающее будущее. Автора интересует специфический режим памяти, принципиально отличающийся от «парадигмы травмы», то есть этической рефлексии о трудном прошлом и памяти о насилии, во многом определяющей современные стратегии формирования идентичности в европейской и американской культуре²⁵. Основой этой парадигмы выступает упомянутый выше императив: «Никогда снова». Опирающиеся на него сообщества эксплуатируют идею вины, а также словарь скорби, горя и проработки траура по отношению к прошлому. Надежда и устремленность в будущее рассматриваются Ригни не как возвращение к оптимизму и девелопментальному (прогрессистскому) историзму эпохи модерна или мифологизация героического революционного нарратива, а как поиск альтернативных сборок пространства опыта и горизонта ожиданий (в их понимании Козеллем). С этой точки зрения современные экологические движения оказываются наследниками не только движения за ядерное разоружение, но и борцов за гражданские права, поколения 1968 г., а также участников широких общественно-политических дебатов XIX в. Такая преемственность строится на противопоставлении государственного насилия творческим усилиям массы людей, отстаивающих

24 Rigney A. *Remembering Hope: The Cultural Afterlife of Protest*. Oxford: Oxford University Press, 2025.

25 См.: Травма: пункты: Сб. статей / Под ред. С. Ушакина, Е. Трубиной. М.: Новое литературное обозрение, 2009; Айерман Р. Культурная травма и коллективная память / Пер. с англ. Н. Поселягина // Новое литературное обозрение. 2016. № 5. С. 40–67; Шнирельман В.А. Травматическая память: подходы к изучению и интерпретации // Сибирские исторические исследования. 2021. № 2. С. 6–29.

свое право на активные изменения и достойную жизнь в будущем. Чем завершились усилия поколения 1968 г.? Поражением надежд на более справедливое общество, победой неоконсерваторов в 1980-е и их правых приемников в 2000-е? На взгляд Ригни, участники протестов 1960-х гг., как и восставшие в 1871 г. парижане, оставили позитивную память о своих действиях именно благодаря формированию образов будущего, которые могут быть использованы следующими поколениями для того, чтобы попытаться изменить жизнь к лучшему. Со временем неизбежно меняются медиа, культурные языки репрезентации, стратегии эмоциональной рефлексии и поколенческие установки, и символически кодировать эти изменения, встраивая их в новые ассамбляжи и образы будущего, сегодня не сложнее, чем в 1960-е. Но и не легче.